

ПРАВИТЕЛЬ И ХУДОЖНИК: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ «ГОСУДАРЯ» НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ЗАПИСЕЙ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

М.В. МИТАЛЕВА

При обращении к творчеству Никколо Макиавелли одним из первых возникает вопрос новизны, так как жизнь и творчество этого ренессансного мыслителя весьма обстоятельно представлены в широком кругу исторической, политологической и историко-философской литературы. Это касается и его трактата «Государь», которому посвящено несколько сотен работ ученых со всего мира. Таким образом, чтобы не пойти проторенными путями популярных для такого рода работ обзоров с общими выводами по основным идеям «Государя» и апелляции к его очевидным тезисам, в поисках новых граней трактата обратимся к опыту последних исследований, сосредоточившихся на компаративистике¹. В них сравнения Макиавелли с Аристотелем, Кардано, Гоббсом, Декартом, Спинозой и другими мыслителями раскрывают новые аспекты его работ. Есть и менее ожидаемое, но не менее подходящее для этого списка имя – Леонардо да Винчи². Первая встреча последнего с Макиавелли произошла предположительно в 1502 г. в городе Имоле, где Леонардо находился на службе у Цезаре Борджиа и куда Никколо прибыл с посольской миссией от Флоренции. Мыслителей роднит бескомпромиссность эпохи и близость к власти имущим, помноженная на постоянное стремление к новым горизонтам знания. В предлагаемой статье представлена попытка рассмотрения трактата «Государь» через тексты Леонардо да Винчи.

«Не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои»³, – заверяет Макиавелли Лоренцо Медичи в первых строках «Государя». Слова имеют двойной смысл: Никколо стеснен финансово, но обогащен каждодневными многочасовыми беседами со «старинным кругом мужей древности», в которые, как он пишет в письме Франческо Веттори⁴, вступает, забыв о земных заботах и смерти. Ценность знания провозглашает в своих рукописях и Леонардо да Винчи, также замеченный современниками в отстранении от мирских дел при поиске нового знания. «Математические эксперименты настолько отвлекли его от живописи, что он не прикасается к кисти», – сетует викарый в письме к Изабелле д'Эсте⁵.

Никколо Макиавелли перекликается с Леонардо да Винчи уже с первых строк «Государя» – и в своем отказе от «пышности и звучности слов», столь нелюбимых живописцем, и в аналогии с художником, рисующим пейзаж и горы. При дальнейшем прочтении видна близость флорентийцев друг другу и в организации текстов, их практичной, а не схоластической форме. «Государь» Макиавелли и записи Леонардо содержат новые вопросы и ответы, адекватные их современности. В каждой строчке – личность автора, его убежденность в излагаемом вопросе: «ты должен» – «сделай», – пишет да Винчи; «следует сделать», «надлежит принять меры», – мягко, но настойчиво предлагает Макиавелли. Схо-

жа и структура изложения — текст выстроен сообразно практическим потребностям — от базовой информации к частной. «Государь» разворачивается, начиная с типов государств, продолжается обзором войск и заканчивается советами по управлению. Та же логика у Леонардо в «Трактате о живописи» — сначала вводные вопросы теории живописи, переход к общим правилам изображения и в завершение — описание сложных объектов для рисования уже для состоявшегося художника. Системность наблюдается и внутри глав и разделов. Последовательные рассуждения Макиавелли о власти и государствах с отсылками к историческим фактам первоначально кажутся далекими от блокнотных записей Леонардо, однако принцип тот же — ставится вопрос или делается утверждение, а затем происходит тщательный разбор. Изложение и решение проблем строится на двух элементах: пример-доказательство и вывод. Будь то высота зданий, видимых в тумане, или гражданское единовластие, мы получаем готовое практическое руководство с цельной продуманной структурой.

Ставя целью своих трактатов создание профессионала, Макиавелли и да Винчи наставляют читателя. В основе их рецептов — общая убежденность в наличии неких нерушимых правил. Для автора «Государя» существуют разумные естественные причины, благодаря которым государства либо обращаются в прах, либо процветают. Познать эти причины можно посредством «многолетнего опыта в делах настоящих и непрерывного изучения дел минувших»⁶, а их сущность имеет природный характер. И у Леонардо, искавшего в окружающем «бесчисленные причины» и выводящего сотни правил, разумной является природная необходимость — «и узда, и вечный закон»⁷. Существование живого базируется на том, что природа нашла гораздо более удобным, будь то устройство скелета птицы или филлотаксис.

Рассматривая свой предмет аналогичным образом, Макиавелли облекает жизнеспособность правителя в природные формы: государи-однодневки без способностей «не успевают пустить ни корни, ни ответвлений, почему и гибнут от первой же непогоды»⁸, а отсутствие чутья в государственных делах становится «трудноизлечимой чахоткой». Природа должна стать для правителя примером и через своих созданий: «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе»⁹. Так, по Макиавелли, истинный лидер, следуя всем выведенным непреложным правилам, как и искусный мастер живописи у Леонардо да Винчи «спорит и соревнуется с природой» и пути их становления перекликаются. И хотя один трактат посвящен искусству войны и мира, а другой — искусству науки живописи, в центре каждого из них — человек, способный эффективно применить руководство к действию.

Даже среди требований к объекту наставления и советов у Никколо и Леонардо много схожего. «Надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим»¹⁰, — оставляет Макиавелли свой наказ правителям в шестой главе «Государя». У Леонардо с авторитетами более сложные отношения, он часто призывает учиться у самой природы, но, тем не менее, считает обязательным этапом

подготовки живописца срисовывание и подражание рисункам великих мастеров. В «Государе» тезис о подражании также содержит и четырнадцатая глава; кроме того в ней подробно описывается искусство отдавать себя военному делу как приоритетному. «Даже в мыслях не оставлять военных упражнений», «ни других помыслов, ни других забот», «никогда не предаваться в мирное время праздности»¹¹, — практически спартанский образ жизни, мало ассоциирующийся с времяпровождением главы государства. Как и для леонардовского живописца, смысл такого отречения — в сохранении эффективности себя как профессионала — «чтобы телесное благополучие не портило благополучия разума, живописец или рисовальщик должен быть отшельником»¹², а также в стремлении работать при любой возможности. Макиавелли и да Винчи советуют и постоянные пешие прогулки для запоминания местности и тренировки памяти, каждому для своей цели, разумеется. Правителю — для ответа на вопрос, что будет, «если неприятель займет тот холм, а наше войско будет стоять здесь, на чьей стороне будет преимущество?»¹³, художнику — для получения иного преимущества — запоминания множества предметов для их лучшего изображения.

В пятнадцатой и шестнадцатой главах макиавеллевского «Государя» ставится вопрос о том, быть ли добрым, быть ли щедрым? Флорентийцы схожи в своем ответе — нет, и причина тому — людская природа. Для Леонардо она «злая» и разрушительная, впрочем, когда дело не касается его самого: «...зло, которое мне не вредит, — все равно, что добро, которое не приносит мне пользы»¹⁴. Для Макиавелли люди — объект расчета, он уверен, что они «всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость», поэтому правителю должно «приобрести умение отступать от добра»¹⁵. Вред от людей для государя и художника может выступать в разных формах. Так, в двадцать третьей главе Никколо обсуждает проблему иной «напасти» — лести, давая совет по ограничению круга тех, кому следует задавать вопросы и кого слушать. У художника меньше возможностей отгородиться от людей, но дабы искоренить «лесть, восхваляющую начало хорошего произведения, чтобы ложь ослепила работника»¹⁶, Леонардо также предлагает разграничивать, только уже в уме, услышанное о себе.

Кроме перечисленных параллелей в «Государе» и размышлениях Леонардо присутствуют и иные родственные мотивы. К ним, например, относится вопрос о видимости обладания качествами, в частности, об упоминаемой видимости набожности, затрагиваемый в восемнадцатой главе и образующий вместе с главой одиннадцатой оценку деятельности церкви. Благоденствие государей в церковных государствах «независимо от того, как те живут и поступают»¹⁷ в сочетании с намеками на симонию подразумевает вполне адекватную позицию Макиавелли по отношению к представителям церкви, но если у него это выражено в мягкой форме, то да Винчи открыто высмеивал продажных священнослужителей. Скрытая и явная критика, сетование на обстоятельства жизни, говорят и о том, что каждый из них переживал нестабильность ренессансной Италии.

На одной из страниц рукописей Леонардо, известный своими политическими аллегориями, написал: «Лилия расположилась на берегу Тичино, а течение унесло и берег, и лилию»¹⁸, намекая на бессилие перед современными обстоятельствами даже титулованных особ. Образ бурной реки присутствует и в одной из заключительных глав «Государя». Макиавелли уподобляет ей судьбу своей родины — она, «разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать»¹⁹. «Река» оставила нереализованными задуманные проекты мыслителей, отчего биографы часто называют их судьбы трагичными. В ответ на неустойчивость мира Никколо Макиавелли и Леонардо да Винчи в своих руководствах в схожей манере ищут «нерушимые» правила по становлению человека, который сможет изменить течение, став достойным правителем и обуздав «реку» или выжить в ней, благодаря своему искусству.

В сравнении с рукописями Леонардо трактат «Государь» предстает и как системный труд, методологически близкий научным изысканиям да Винчи, и как руководство в ремесле, предъявляющее к правителю множество требований, схожих с требованиями к живописцу. А сам Макиавелли подобен леонардовскому «зеркалу» из «Трактата о живописи», которое «всегда превращается в цвет того предмета, который оно имеет в качестве объекта»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Dopo Machiavelli / Après Machiavel: atti del convegno organizzato dal Dipartimento di filosofia e politica dell'Università degli studi di Napoli «L'Orientale» in collaborazione con l'Université de Bourgogne e l'Istituto italiano per gli studi filosofici: Napoli, 30 novembre – 2 dicembre 2006. – Napoli: Liguori, 2008.

² Параллели между этими мыслителями содержатся в работах: *Masters R.D.* Fortune is a River: Leonardo da Vinci and Niccolo Machiavelli's magnificent dream to change the course of Florentine history. – N. Y: Free Press, 1998; *Versiero M.* Alcune fonti del pensiero politico di Leonardo e un aspetto del suo rapporto intellettuale con Machiavelli // *Raccolta Vinciana*. Vol. XXXII. P. 249 – 282.

³ *Макиавелли Н.* Избр. соч. – М.: Худож. лит., 1982. С. 302.

⁴ Десять писем Никколо Маккиавелли // *Средние века*. 1997. Вып. 60. С. 451 – 453.

⁵ Письмо Пьетро Новеллара к Изабелле д'Эсте от 14 апреля 1501 г. // *Цит. по: Николл Ч.* Леонардо да Винчи. Полет разума. – М.: Эксмо, 2006. С. 434.

⁶ *Макиавелли Н.* Избр. соч. С. 302.

⁷ *Леонардо да Винчи.* Избранные естественнонаучные произведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 11.

⁸ *Макиавелли Н.* Избр. соч. С. 319.

⁹ Там же. С. 351.

¹⁰ Там же. С. 315.

¹¹ Там же. С. 344.

¹² *Леонардо да Винчи.* Избр. произв. В 2 т. Т. 2. – М.: Студия Артемия Лебедева, 2010. С. 118.

¹³ *Макиавелли Н.* Избр. соч. С. 343.

¹⁴ Цит. по: Дживелегов А.К. Леонардо и Возрождение // *Леонардо да Винчи*. Избр. произв. В 2 т. Т. 1. – М.: Студия Артемия Лебедева, 2010. С. 43.

¹⁵ *Макиавелли Н.* Избр. соч. С. 345.

¹⁶ Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентийского. – М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934. С. 100.

¹⁷ *Макиавелли Н.* Избр. соч. С. 333.

¹⁸ *Леонардо да Винчи.* Избр. произв. В 2 т. Т. 2. – М.: Студия Артемия Лебедева, 2010. С. 348.

¹⁹ *Макиавелли Н.* Избр. соч. С. 373.

²⁰ Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи... С. 95.

REFERENCES

Dzhivelegov A.K. Leonardo i vozrozhdeniye // *Leonardo da Vinci*. Izbranniye proizvedeniya. V 2 tomakh. Vol. 1. – Moscow: Studiya Artemiya Lebedyeva, 2010.

Leonardo da Vinci. Izbranniye estestvennonauchniye proizvedeniya. – Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.

Leonardo da Vinci. Izbranniye proizvedeniya. V 2 tomakh. Vol. 2. Moscow: Studiya Artemiya Lebedyeva, 2010.

Machiavelli N. Izbranniye sochineniya. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982.

Masters R.D. Fortune is a River: Leonardo da Vinci and Niccolo Machiavelli's magnificent dream to change the course of Floentine history. – N. Y: Free Press, 1998.

Versiero M. Alcune fonti del pensiero politico di Leonardo e un aspetto del suo rapporto intellettuale con Machiavelli // *Raccolta Vinciana*. Vol. XXII. P. 249 – 282.

Desyat' pisem Nikolo Makkiavelli // *Sredniye veka*. 1997. Issue 60. P. 451 – 453.

Dopo Machiavelli Après Machiavel: atti del convegno organizzato dal Dipartimento di filosofia e politica dell'Università degli studi di Napoli «L'Orientale» in collaborazione con l'Université de Bourgogne e l'Istituto italiano per gli studi filosofici: Napoli, 30 novembre – 2 dicembre 2006. Napoli: Liguori, 2008.

Pis'mo P'yetro Novellara k Izabelle d'Este ot 14 aprelya 1501 // *op. cit. Nicholl C.* Leonardo da Vinci. Polyot razuma. Moscow: Eksmo, 2006.

Kniga o zhivopisi mastera Leonardo da Vinchi, zhivopiststa i skul'ptora florentiyskogo. – Moscow: OGIЗ-IZOGIZ, 1934.

Аннотация

Статья содержит попытку сопоставления трактата «Государь» Никколо Макиавелли и записей Леонардо да Винчи, в ходе которой через сравнение образов правителя и живописца выявляется методологическая и содержательная близость текстов мыслителей.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, «Государь», Леонардо да Винчи.

Summary

The article attempts to compare Niccolò Machiavelli's treatise «The Prince» with Leonardo da Vinci's notebooks and the Machiavellian governor with the Da Vincian artist, revealing the texts' similarity in methodology and meaning.

Keywords: Niccolo Machiavelli, «The Prince», Leonardo da Vinci.